

«Экспресс медленно тронулся с места. Вот он уже выходит из-под арки Киевского вокзала, а мы все еще сидим в ожидании поезда»

Москва. 19 июня 1956 г. Товарищ И. Броз Тито выступает на митинге, посвященном дружбе Советского Союза и Югославии.

Сталинград, и в колхозах Кубани, и на Черноморском побережье. А 19 июня на столичном стадионе «Динамо» состоялся митинг, который с особой выразительностью показал, сколь велика сила дружбы между двумя народами.

В дни пребывания Президента Тито на земле нашей Родины состоялась беседа, которая проходила в сердечной и дружелюбной атмосфере, в духе открытости и полного взаимопонимания. Руководители советского и югославского народов широко обменялись мнениями о развитии международного положения в течение минувшего года, а также по вопросам дальнейшего развития отношений и всестороннего сотрудничества между двумя странами.

Состоявшийся обмен мнениями выявил широкое сходство точек зрения двух правительств в оценке развития международного положения и существующих международных проблем, а также общее желание и в дальнейшем углублять взаимопонимание и дружбу между нашими государствами. «Советские и югославские народы», говорил на митинге Н. С. Хрущев, — имеют все основания быть довольными результатами этих переговоров. Восстановление давних дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией стало свершившимся историческим фактом. Мы будем неутомимо работать над тем, чтобы во всех направлениях развивать сотрудничество между нашими странами, будем обмениваться опытом социалистического строительства, внимательно изучать все то новое, что рождается в труде и борьбе всех братских народов, строящих социализм».

С удовлетворением встретили советские люди заявление о том, что оба правительства приветствуют расширение международных контактов и все более усиливающуюся тенденцию к решению международных вопросов с помощью переговоров.

Как это видно из Совместного Заявления, Советские и Югославские правительства приветствуют пополнение Организации Объединенных Наций новыми членами из числа европейских стран, а также из числа стран Азии и Африки. Да и кто может сомневаться в том, что это содействует усилению равноправной роли народов этих континентов в мире. Однако, отмечая упреждение сил и способности Организации Объединенных Наций к рассмотрению и успешному решению задач путем организованного и равноправного участия всех стран, оба правительства с сожалением констатируют, что Китайская Народная Республика до сих пор не заняла принадлежащего ей по праву места за столом ООН. И они упорно будут добиваться, чтобы право на представительство Китая в ООН было признано всеми.

На переговорах в Москве были рассмотрены вопросы о разоружении и коллективной безопасности, а также другие вопросы, разделяющие мир и, в частности, Европу. Относительно германского вопроса, который, как известно, волнует всю мировую общественность, оба правительства считают, что в настоящее время, когда на территории послевоенной Германии сложились два суверенных государства, для достижения ее объединения необходимы переговоры между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой.

В своем Заявлении оба правительства выразили твердую уверенность в том, что одно из существенных условий улучшения международного положения — это растущее экономическое общение между государствами, сотрудничество в культурном и научном обмене.

Внешняя политика Советского Союза, так же как и внешняя политика Федеративной Народной Республики Югославии, основывается на принципах миролюбия и активного сосуществования. В ее основе лежат принципы суверенитета, независимости, территориальной неприкосновенности, ненападения, равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Эта политика — самое эффективное средство дальнейшего укрепления и усиления всестороннего сотрудничества между странами независимо от различий в их общественно-экономических и политических системах.

Оглядываясь на минувший год, подписания Белградской Декларации, год, народы наших стран с удовлетворением отмечают, что принципы, выраженные в этой Декларации, создали основу для дружественного сотрудничества. За этот небольшой исторический срок были достигнуты замечательные результаты.

Советские люди приветствуют Заявление о прекращении военных действий, которое вышло в свет в день подписания Декларации, как шаг к дальнейшему развитию сотрудничества и дружбы между народами Югославии и Советского Союза. Мы приветствуем решение о дальнейшем расширении экономических связей, научного сотрудничества и обмена учеными, специалистами, студентами и научной литературой.

Все советские люди высоко ценят историческую Декларацию об отношениях между Союзом коммунистов Югославии и Коммунистической партией Советского Союза. Она, несомненно, послужит дальнейшему сплочению всех сил, борющихся за социализм.

«Столица Советской Украины встречает дорогих югославских гостей. И снова Президент Иосип Броз Тито, государственные деятели Югославии увидят, с каким глубоким чувством симпатии, с подлинно братской дружбой и любовью относятся советские люди к народам Югославии — страны бесстрашных героев и неутомимых тружеников».

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Советские люди рады успеху советско-югославских переговоров. От всей души желаем им нашим друзьям успехов в строительстве социализма, желаем, чтобы росла и крепла Федеративная Народная Республика Югославия, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 73 (3574). Четверг, 21 июня 1956 г. Цена 40 коп.

Круглый стол писателей мира

ИДЕЯ «круглого стола писателей мира» с каждым днем находит себе все больше сторонников среди литераторов, пишущих на самых различных языках мира и придерживающихся различных, а порою и противоположных взглядов. Теперь на страницах многих зарубежных литературных изданий можно часто встретить эту привлекательную рубрику — «За круглым столом».

Живопись, а не фотография

Людмила ФЕХТВАНГЕР, немецкий писатель. Глубокоуважаемые господа, дорогие друзья, вы спрашиваете, какие из книг, прочитанных мною за последнее время, произвели на меня наиболее сильное впечатление, и хотите, чтобы я высказалась по поводу основных направлений современной литературы.

В начале века существовало литературное направление, именовавшееся витализмом. Писатели этой школы утверждали жизнь в любых ее проявлениях и стремились наполнить свои произведения ощущением безграничной, животной радости жизни. (Теперьшней потомок витализма — Эрнст Хемингуэй). Мастерами этой школы были как раз скандинавские писатели: Йенс Петер Аксбюен, Кнут Гамсун и Иоганнес В. Йенсен. Халлдор Лакснессу свойственна такая же необычайная любовь к жизни, и он умеет передать ее читателю не хуже своих предшественников. Но он обладает также тем, что по моему убеждению, поднимает его творчество на более высокую ступень, — это его сознание, его организующий разум.

Мир и счастье

Ли Цзи, китайский поэт. Мир — верный представитель народа. Самые прекрасные стихи самых великих поэтов в истории нашей жизни были голосом души народа, ибо они выражали народное чаяние и идеалы. И потому эти стихи дожили до настоящего времени и будут жить и дальше.

В Союзе писателей СССР

Состоялось открытое партийное собрание работников центрального аппарата правления Союза писателей и литературно-художественных журналов. С докладом «О некоторых вопросах работы Союза писателей» выступил А. Сурков. Говоря о новых требованиях, которые предъявляет жизнь к деятельности писателей, редакций литературно-художественных журналов и издательства, А. Сурков оставил, в частности, на некоторых вопросах структуры Союза писателей. Структура эта должна соответствовать большим задачам, стоящим перед советской литературой, а для этого ей необходимо придать большей демократизм, в большей степени подчинить интересам идейно-творческой жизни. Следует так перестроить работу комиссий, чтобы всерьез усилить внимание к насущным вопросам развития братских национальных литератур, иметь возможность широкого, действительного влияния на процессы, происходящие во всей нашей литературе.

Это не должно повториться!

Полтора десятилетия прошло с того дня, когда было совершено одно из величайших преступлений империализма. Фашистские почуца встали в пределы нашей Родины, чтобы уничтожить социалистический строй, огнем войны выжечь мечту человечества о лучшем, прекрасном будущем — о коммунизме.

Эта была их цель, программой, официально и открыто провозглашенной. И именно это обеспечило им поддержку со стороны реакционеров всего мира, злейших врагов свободы народов. Это помогло им обессилить другие буржуазные государства, помешать сплочению всех стран в борьбе против агрессии. Они начали войну против Советского Союза, подавив предварительно слабое, дезорганизованное близорукими политиками сопротивление западноевропейских стран.

Но день 22 июня 1941 года не стал датой торжества мирового империализма, — он стал началом конца фашизма. Вторая мировая война в этот день вступила в новую фазу, которая завершилась великой победой свободолюбивых народов. Почему это произошло? Потому что социализм уже тогда наделил невиданной силой нашу страну. За крайне малый исторический срок Советский Союз успел вырасти в социалистическую державу, могущественную не только своими материальными успехами, но прежде всего своими моральными силами.

«Навстречу тотальной войне встала сила народной войны», — писал в те тяжелые для нашего Отечества дни А. Н. Толстой. — Навстречу развязанному зверю встала собранная, воодушевленная любовью к родине и правде, нравственная сила советского народа. Навстречу террористической организации рабочего и принудительного труда встала организация свободно отаганого, безгранично могучего всенародного труда».

Незримо, не сразу, но с первых же дней Отечественной войны изменился весь ход международных событий. Ни фашистские полководцы, ни буржуазные комментаторы, следя за продвижением гитлеровских полчищ вглубь нашей территории, не способны были, разумеется, понять значение происходящего. Однако первые военные неудачи наши не могли изменить главное: в исполнимом столкновении Советское социалистическое государство встало во главе всего освободительного движения народов. И победа должна была остаться за ним.

Патриотизм всех народов нашей страны, составляющих единую и дружную семью; могучий, испытанный во многих боях союз рабочих и крестьян нашей Родины; мудрое руководство Коммунистической партии, вдохновлявшей народ на богатырские подвиги, организовавшей борьбу на фронте и самоотверженный труд в тылу, — таковы источники нашей Победы. Одержав ее мог народ, воодушевленный идеями коммунизма. Советская Армия увенчала себя немеркнущей славой. Народы узнали в ней не только ослепительную силу. Они поняли: Советская Армия — это самый могучий и надежный гарант мира. Советская Армия вернула мир десяткам народов, она охраняет сейчас мир в интересах всего человечества.

Задолго до второй мировой войны Советский Союз призывал западные державы коллективно оберегать мир, он приложил к этому много усилий, заключаю созвонные соглашения с Францией, с буржуазной в то время Чехословакией. Именно отказ западных держав от коллективных действий совместно с Советским Союзом сыграл роковую роль в развязывании трагедии второй мировой войны. И только боевое военное сотрудничество народов Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и других миролюбивых стран обеспечило победу. В наше время становится очевидным, что лишь великое, стальное единство рабочего класса всех стран способно обуздать империалистическую агрессию, задушить ее в корне, в зародке. Сейчас, в наши дни, когда неизмеримо более могучие, чем прежде, отряды рабочего класса во всех странах мира имеют возможность решительно влиять на политику государств, это единство священно. Тот, кто нарушает его, кто отказывается от совместной борьбы за мир и дружбу народов под предлогом различия взглядов, совершает тяжелое преступление.

В последние годы еще могущественнее стала Советская держава, уже сумевшая утроить свое промышленное производство, создать новые условия жизни в деревне, умножить кадры высокообразованных, преданных делу коммунизма людей. Сбывались слова поэта, написанные в самые горестные, страшные минуты, когда «железные крики» пушек, танков и самолетов заглушали все живые голоса на земле. Алексей Сурков писал в 1942 году на Западном фронте в стихотворении, названном «Предчувствие весны»:

Путь наше время жестоко и дико, — Вытерпи! Землю ногами не даю. Мы для детей из железного крика Выплачем светлую песню любви.

Великих подвигов от народа потребовали и годы восстановления. Только социалистическое общество способно так быстро залечить раны войны. Кто создал за одиннадцать лет после окончания войны эти новые города, тысячи заводов, эти гидроэлектростанции, преобразившие энергетическую базу нашей страны? Кто воздвиг заново лежавшие в руинах поселки, эти дома, школы, университеты? Кто поднял веками лежащие пласты целинной земли на пространствах, превышающих территорию крупных европейских государств? Все это сделали советские люди, вдохновляемые Коммунистической партией. Их воодушевляла и воодушевляла при этом уверенность, что отныне войне не быть. Эту уверенность подкрепляет сознание, что теперь вместе с нами десятки других народов строят социализм. Вторую мировую войну не удалось предотвратить из-за отсутствия мощных организационных сил мира. Теперь на международной арене создалась обширная «зона мира», включающая как социалистические, так и не социалистические миролюбивые государства, в том числе новые, молодые государства Азии — Индию, Бирму, Индонезию, многие страны Арабского Востока. Подавляющее большинство человечества не хочет войны и способно не допустить ее.

Пятнадцатилетие начала Великой Отечественной войны Советского Союза человечество отмечает в условиях дальнейшего улучшения международной обстановки. Минувала пора «холодной войны», которую начали именно те, кто был недоволен исходом всенародной борьбы против фашистских агрессоров. Им ничего не дала эта злобная, презираемая народами «холодная война» со всеми ее военными блоками, угрозами, атомной дипломатией. Она не смогла помешать росту сил мира, сплочению народных масс, появлению на свет невиданного раньше движения сторонников мира.

По-новому остро и неотложно встала теперь проблема разоружения. Реакционные силы вынуждены считать ныне с несомненным процессом исторического развития, противоречащим всем их замыслам. Они все более чувствуют свое бессилие в условиях роста социалистической системы, в условиях нарастающего народного гнева. И они, в конце концов, ничего не могут предложить, кроме бессмысленного накопления оружия, обрекающего бюджет, ухудшающего жизнь народов.

Советский Союз в этих новых условиях взял на себя смелую и благородную инициативу. Сверх проведенного уже в 1955 году сокращения вооруженных сил СССР на 640 тысяч человек Советское правительство решило сократить еще на 1200 тысяч человек состав нашей армии, авиации, флота, сократить соответственно количество боевой техники и расходы на военные нужды. Это — великий подвиг, который будет, несомненно, иметь крупнейшие последствия. Ему должны последовать другие державы. Подобного шага требуют не только их честь и престиж, но требуют также национальные интересы.

Войну можно предотвратить, ее нельзя теперь считать неизбежной. Но как бы велики ни были силы, противостоящие войне, как бы бесперспективны ни были коварные планы новых поджигателей войны, — только бдительность и единство народов способны уберечь человечество от тяжелых случайностей.

Мир ныне — в руках народов. И нет сомнения в том, что народы сумеют его отстоять.

Ценный подарок

Недавно в Париже, в связи с открытием выставки советской книги, известный балетмейстер Парижской оперы Сергей Лифарь передал в дар для Пушкинского дома подлинную рукопись А. С. Пушкина — предисловие к «Путешествию в Арзрум».

С. Лифарь выразил пожелание, чтобы рукопись А. С. Пушкина была передана в Пушкинский дом, где сосредоточены ценнейшие реликвии, связанные с жизнью и литературной деятельностью поэта.

В своем письме Министерству культуры СССР выразил Сергею Лифарю сердечную благодарность за его дар, представляющий собой большую национальную ценность.

Рукопись А. С. Пушкина передана в Пушкинский дом.

«ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО»

Ответ на письмо деятелей советской медицины

Академия педагогических наук считает, что письмо видных деятелей советской медицины, помещенное в «Литературной газете» 10 мая 1956 года, правильно ставит вопрос о большей нагрузке школьных учебных занятиями и принятии радикальных мер к тому, чтобы сократить учебную нагрузку учащихся средней школы и обеспечить условия для охраны здоровья подрастающего поколения.

Академия педагогических наук располагает большим материалом, подтверждающим это положение. Исследования, проведенные Институтом физического воспитания и школьной гигиены академии, показали, что у 40% обследованных учеников 9—10-х классов подготовка к урокам занимает четыре с половиной — пять часов в сутки. Если принять во внимание, что в 7—10-х классах количество учебных часов в неделю достигает 33—34, то рабочий день школьника старших классов нередко составляет 10—12 часов, не считая внеклассной работы. Исследования того же института показали, что при подобной учебной нагрузке 48% учащихся средних классов и 58% учащихся старших классов недосыпают от 1 до 3 часов в сутки. Всего только 10% школьников средних и старших классов ежедневно уделяют достаточное время спортивным играм и развлечениям на открытом воздухе. Естественно, что такая учебная нагрузка отрицательно влияет не только на здоровье, но и на трудоспособность учащихся. Как показывают исследования, недосыпание на полтора—три часа приводит к снижению у учащихся среднего школьного возраста производительности занятий на 30%. Этот факт подтвержден исследованиями Института высшей нервной деятельности Академии наук СССР.

Академия педагогических наук последние годы занималась вопросом об устранении перегрузки учащихся учебными занятиями. Она принимала активное участие в разработке документов для Министерства просвещения РСФСР, направленных к уменьшению учебной нагрузки учащихся средней школы, о чем говорит министр просвещения РСФСР тов. Е. И. Анисимов в письме в «Литературную газету». Институты академии участвовали в пересмотре учебного плана средней школы с целью сокращения количества учебных предметов в нем; была проведена экспериментальная проверка в школах сокращения учебных программ и учебников и т. д. Академическое сотрудничество в стране и зарубежом по сохранению экзаменов лишь в 7-х и 10-х классах.

Однако следует признать, что все меры, предпринятые академией, не привели к серьезному изменению состояния учебной работы в школе.

Значительная доля ответственности за это, как видно, ложится на Академию педагогических наук. Она недостаточно смело и решительно ставила вопрос о сокращении учебного материала в школе. Методическое сокращение программ и страниц учебников, без переработки их по существу, в некоторых случаях не улучшило, а усложнило дело. Разделы программ и главы учебников остались прежними, содержание же их, изложенное в более краткой, схематичной форме, становилось более трудным для усвоения учащимися.

Обсудив вопросы, поставленные в статье «Это очень важно», президиум Академии педагогических наук решил принять ряд срочных мер, которые бы к началу нового учебного года внесли известный порядок в учебную жизнь школы. Необходимо, в силу краткого времени, оставшегося до начала нового учебного года, в ныне действующих учебных планах, программах и учебниках провести существенное сокращение учебного материала. Президиум поручил это предметным комиссиям, организованным в академии. Следует внимательно рассмотреть вопрос о характере концентрического расположения материала в программах.

При составлении учебников будут приняты меры, чтобы излагаемый материал в них был ярким, наглядным, интересным, доступным пониманию учащихся.

Особое внимание должно быть обращено на лучшую организацию проведения уроков, на усовершенствование методов преподавания. Следует более экономно и рационально

расходовать время на уроке. Урок должен быть построен так, чтобы при активной работе учащихся весь основной материал усваивался учащимися в классе, на долю же их домашней работы приходилось, главным образом, закрепление, изученного на уроке и более прочного его усвоения. Программа предмета должна быть основательно проработана и прочно усвоена учащимися. Это обеспечивает учителя своим педагогическим мастерством. Надо повысить ответственность учителя за знания ученика, предоставить ему широкие возможности в педагогическом творчестве, не связывая, например, обязательным временем для прохождения каждой темы программы, не регламентировать схемы урока. Такая регламентация приводит к трафарету, к формализму, в конечном итоге — к снижению успеваемости учащихся, к огромной нагрузке учащихся домашними заданиями.

При рассмотрении вопроса о сокращении учебного материала вносится иногда предложение об исключении из программ «трудного» для усвоения учащимися материала. С этим согласиться никак нельзя. В каждом учебном предмете, как известно, есть более легкий и более трудный для усвоения материал. Но и тот и другой необходимы для усвоения научных знаний. Как бы ни были трудны для изучения действия над дробями по арифметике и правила правописания безударных гласных по русскому языку, этот материал из программы не исключают.

Из программ следует исключить материал не по признаку «трудности», а по тому, нужен ли он для изучения учебного предмета в общеобразовательной школе, необходим ли он для дальнейшего изучения.

В связи с введением в учебный план ряда новых предметов политического цикла возникает вопрос о новой перегрузке учащихся. Такая опасность может возникнуть. Опыт показывает, что при разумном сочетании теоретического курса и практических занятий в производственных мастерских на заводе и на сельскохозяйственных участках учащиеся утомляются меньше. Смена одного вида деятельности другим, участие в практическом деле, новые обстановки и обязанности — все это повышает интерес и содействует повышению работоспособности.

Следует внимательно пересмотреть организацию всей учебной работы в школе. В школе иногда злоупотребляют заучиванием целых глав художественных произведений наизусть. Следует здесь соблюдать определенную норму. Надо рационально строить расписание учебных занятий и, наконец, упорядочить систему контрольных работ и письменных заданий на дом.

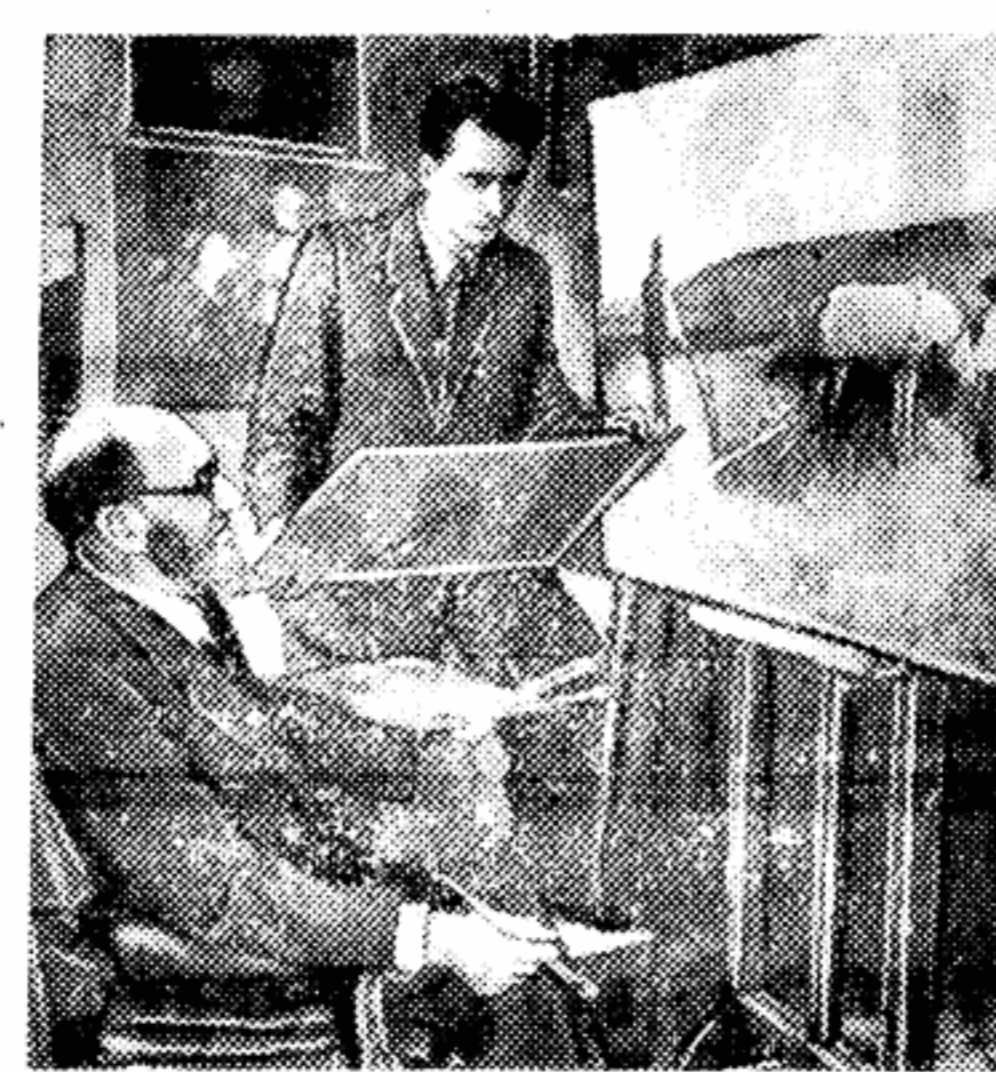
Короче говоря, необходимо обеспечить, чтобы учащийся учился, главным образом, в школе, в классе, а дома самостоятельно работал лишь для лучшего усвоения пройденного в классе материала и применения полученных знаний на практике.

Упорядоченная система организации учебной работы высвободит время не только для отдыха учащихся, а следовательно, сохранения их здоровья, — но и скажется и на лучшем усвоении учебного курса, даст возможность им больше читать, думать.

Президиум академии обращает внимание руководителей и педагогов высшей школы на обязательность проведения вступительных экзаменов в пределах программного материала средней школы. Завышенные требования приводят к дополнительной нагрузке учащихся учебными занятиями, что болезненно отражается на их здоровье.

Академия педагогических наук организует в своих базовых школах изучение учебной нагрузки учащихся в связи с введением нового учебного плана и программ и разработает рациональный режим дня для школ разного типа. Академия считает весьма целесообразным проведение совещания представителей педагогической и медицинской наук с участием работников школ и народного образования по вопросам, поставленным медицинскими деятелями в письме в редакцию «Литературной газеты». Такое совещание совместно с Академией медицинских наук состоится 22 июня этого года.

Президент Академии педагогических наук
И. КАИРОВ

Один из старейших художников Украины, заслуженный деятель искусств республики Антон Иванович Манастырский создал множество тематических и жанровых картин, композиций, посвященных героической борьбе украинского народа за свободу и независимость, пейзажей Карпатских гор, иллюстраций к произведениям русских и украинских писателей. Близкое знакомство А. Манастырского с Иваном Франко оставило след в творчестве художника. Его пейзажи старого обихода напоминают о великом украинском поэте. Вместе с Антоном Ивановичем работает его сын Витовт — молодой способный художник. Свои произведения они посвящают родному народу, социалистическим преобразованиям в западных областях Украины.

На снимке: отец и сын Манастырские в своей мастерской. Фото К. Бузынина

ТЕХНИКА И БЫТ

Что уже сделано и что необходимо сделать для облегчения труда домашних хозяйек? Об этом шла речь в статье Е. Рубановой «Техника и быт» («Литературная газета», № 45). Статья вызвала многочисленные отклики наших читателей.

С огорчением и обидой пишут читательницы — домашние хозяйки о том, как они вынуждены подчас с утра до поздней ночи заниматься «мелочами» быта. «В моей семье», — сообщает инженер-землеустроитель Н. Кондратьева (Тамбов), — всего три человека: муж, я и дочка. Мы оба работаем, дочь учится. С 8 утра уходим на работу и встречаемся только в 7 часов вечера... К половине 9-го вечера готов обед, ужин и чай (все вместе). После ужина, пока помышь посуду, приготовишь кое-что на завтра, прожмешь свежие газеты, пошлешь или займешься вышивкой (что я очень люблю) нет времени».

Таким образом, и для тов. Кондратьевой, хоть у нее небольшая семья, все те приспособления, которые призваны облегчить домашний труд, имеют не меньшее значение, чем для хозяйки большой семьи. «Чудо-настроил», в которой можно сварить полный обед за 30—40 минут, терки-шинковки, машины для мытья и сушки посуды — все это необходимые вещи, которые давно пора было бы производить в достаточном количестве и по недорогой цене. Об этом же пишет А. Красногорский, В. Нецаев, И. Староверова (Москва), Н. Неклюдова (Краснодар) и многие другие.

С не меньшим огорчением сообщают читательницы о том, что не так-то легко купить холодильник или пылесос, стиральную машину или электроплитку. Во-первых, они дороги и, следовательно, недоступны для многих; во-вторых, на периферии их заводят в более чем скромном количестве. «Приобрести стиральную машину почти невозможно, так как в продаже они поступают очень редко», — пишет Е. А. Кузнецова из Уфы. Трудно купить холодильник или пылесос в Чалово и других городах. Еще трудней бывает подчас отремонтировать эти машины в случае поломки.

Несмотря на то, что статья «Техника и быт» посвящена производству товаров, облегчающих домашний труд, читатели сообщают о неблагоприятности во многих других областях, связанных с устройством домашнего быта. Они пишут о плохом уровне обслуживания населения коммунальными услугами, о трудном положении в жилищном. Из всего этого некоторые делают неожиданный вывод — не следует заниматься производством товаров, облегчающих труд домашней хозяйки, пока еще не во всех домах есть электричество и водопровод, пока еще не все живут в благоустроенных домах.

Нельзя, конечно, согласиться с подобными рода рекомендациями. Спорит нет, водопровод, канализация, паровое отопление во всех домах более важные вещи, чем «чудо-настроил» или соковыжималка. Но одно не исключает другого. Общеизвестно, что в шестой пятилетке намечены значительное увеличение объема жилищного строитель-

ства в стране и дальнейшее улучшение коммунального обслуживания трудящихся. Но разве это исключает необходимости постоянной заботы об облегчении труда домашней хозяйки?

Наша советская промышленность, наша кооперация достаточно мощны, чтобы справиться с этим. Большинство читателей, откликнувшихся на статью «Техника и быт», хорошо это понимают. Если у нас нет еще в продаже всех тех новинок, о которых говорится в статье, то это не потому, что нет возможности их выпустить. Причина другая — она заключается, главным образом, в равнодушии работников, призванных заниматься этим делом.

Доказательством этого служит, пожалуй, и тот факт, что одна из организаций, упомянутых в статье, на нее не откликнулась.

Читатели «Литературной газеты» требуют продолжения разговора о внедрении техники в быт. В связи с этим редакция обратилась к ряду организаций с вопросом: что же нужно сделать для того, чтобы наша отечественная промышленность поскорей удовлетворила спрос на эти «мелкие» товары, в которых так нуждаются миллионы советских женщин?

Вопрос этот, оказывается, не так уж сложен и запутан. Все с кем мы беседовали, — и начальник планового отдела Главлесторга тов. Румянцев, и начальник посуды-хозяйственного отдела тов. Филипов, и работники торговых организаций, — все они говорили одно и то же. Главное, по их мнению, заключается в том, что производством товаров для домашнего хозяйства никто специально не занимается и никто в этом, в сущности, не заинтересован. Крупные предприятия делают это от случая к случаю, рассматривая бытовую технику как второстепенную. Местная промышленность, которая казалась бы, основой и должна была заниматься таким производством, не заботится о выпуске новинок домашнего хозяйства. У руководителей промысловых коопераций, артелей также нет интереса к производству таких товаров.

И еще одно важное обстоятельство: у нас нет кадров специалистов, которые могли бы наладить производство техники для быта. На крупных предприятиях этим занимаются инженеры, специалисты по производству совсем другой продукции, а в местной промышленности просто нет квалифицированных в этой области кадров.

До сих пор у нас мало изучают опыт зарубежных стран по совершенствованию бытовой техники. И самое главное, конечно, нет единого органа, который изучал бы проблемы производства бытовых товаров (сейчас производством этих товаров расплылось между 26 министерствами, не считая предприятий местной промышленности), так же как нет и специализированных предприятий. Таковы факты.

Не настала ли пора сделать, наконец, соответствующие практические выводы? Безусловно, правы читатели, когда они говорят о том, что нельзя так долго пренебрегать «мелочами» быта.

О ХОРОШЕМ писать всегда приятнее и легче, чем о плохом. Но о «ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ» из Ашхабада, где они прошли специально подготовку. «Снабжались с цветами, желанием Кара-Кумского канала, я не ринемо права молчать».

Искусственные трудности

Поселок Голово в нескольких километрах от Аму-Дарьи, неподделку от канала. Но в этом поселке искусственные трудности десятки три белых домиков на 2, 4, 8 квартир, общежития, клуб, летнее кино; работает больница, почта, школа, детский сад и ясли, баня, магазин, столовая. Горит электричество, транслируются радиопередачи. В Головом живут несколько сот рабочих и довольно большой коллектив инженерно-технических работников. Ведется строительство канала, шлюза, ирригационных сооружений. Плывущая электростанция питает поселок и мощный земснаряд; ток по берегу полным ходом идет подготовка площадки для энергопоезда.

«Кара-Кумы» — не Подмоскovie, не Поволжье, не Урал... Условия работ в великой среднеазиатской пустыне имеют свои большие трудности в течение всего года, особенно во время долгого и жаркого лета, когда голой рукой нельзя прикасаться к металлическим рукояткам, когда палящий дель солнца висит в небесах не без над собой головой, когда облака исчезают с небосвода на несколько месяцев и только вечер, торжественный и сухой, гонит по пустыне тучи песка и пыли...

Отвоявшая в пустыню километр за километром, люди ведут вглубь песков «кладовую» воду — так называют здесь воду Аму-Дарьи. Для нее готовят поля и взволнованно говорят о том недалеком времени, когда на этих пустырях землях взрывают хлопчатник, сады, виноградники.

Казалось бы, чем тяжелее условия, в которых трудятся люди, тем большим вниманием они должны быть окружены. Ведь на строительстве Кара-Кумского канала собрались рабочие и инженеры из самых различных районов страны для того, чтобы отдать свои силы и умение Родине.

Работа не обманула их ожиданий, и они по-хозяйски трезвело и добросовестно относятся к своему труду. Но со стороны тех, кто призван заботиться о них, строители встретили бездушие отношение к самым насущным своим потребностям.

Руководители крупного строительства с миллионным бюджетом, сумевшие разрешить такую сложную проблему, как жилищную, забыли о многом насущном...

Обеды в столовой невкусны, отличаются поразительно однообразием и дороговизной. Шестнадцать рублей за обед — это неподходящая цена для рабочей столовой. А слушается и так, что за обед съедается только какое-нибудь створное, — это вареная лапша. А кроме этой столовой, пообедать одному человеку негде! На дом обеды не отпускаются. Чтобы поесть, приходится выстоять в очереди 25—30 минут. В единственном магазине можно купить паплет и вино...

Нельзя с питанием во многом объясняется способом доставки продуктов. Их доставляют на станцию Керкичи по железной дороге, потом переправляют на барже через Аму-Дарью в Керки, затем везут около ста километров на машине. За это время они «усыхают», сутраются, и в результате соответствующими наценками... Так, стакан чаю стоит в Головом 27, а за Аму-Дарью, в Мухрах, — 16 копеек. В тех же самых Мухрах есть продукты, которых нет в Головом, но Мухры-то за рекой! А мотка то ли будет, то ли нет, да и когда же работающему человеку кататься?

Для чего везти продукты таким сложным путем? Не нужно стужать их с поездов в Керкичах, надо провозить немного дальше, в Мухры, и переправить непосредственно в Головое. Почему так нельзя? Ответ типично бюрократический: перевалочная база в Керках. А сколько же надо продуктов на 500—600 жителей Головного — один состав на год. Люди питаются сухими овощами, а разве нельзя привезти в Головое свежий картофель, лук? Почему, наконец, не наладить подобное хозяйство так, чтобы оно нормально снабжало рабочих?

В бригаде будущего энергопоезда — сорок человек разных возрастов и квалификации. Среди них группа молодых людей — электрики, химики, механики, прехавшие

из Ашхабада, где они прошли специально подготовку. «Снабжались с цветами, желанием Кара-Кумского канала, я не ринемо права молчать».

Клуб невелик, в нем выбиты стекла и свободно разгуливает ветер. В библиотеке 300 читателей, но книг не хватает, новосток не совсем. Правда, фильмы демонстрируют довольно часто, после этого, как полагают, танцы. Вот и все культурные мероприятия. А что же делать по вечерам? Ведь в большом молодежном коллективе, конечно, есть музыканты, певцы, артисты. В конце концов, несложное это дело — оборудовать волейбольную площадку, купить шахматы, инструменты для оркестра. Наверное, найдутся для этого и фонды и соответствующие «старцы».

А как потянутся люди на огонек! Но надо помочь им, что-то подкачать, и можно не сомневаться — горячо откликнется молодежь, появятся среди нее способные организаторы.

Многие живут в Головом более двух лет. Это постоянные, кадровые рабочие и инженеры — они останутся здесь и дальше, надолго, может быть, на всю жизнь, так пусть же их жизнь будет полнокровной, насыщенной, интересной.

Молодежь Головного хочет идти в ногу со страной, с временем. Она хочет не только разнообразно и весело отдыхать, но и обязательно учиться. Кому же, как не руководителям стройки, надлежит позаботиться о том, чтобы у этих ребят и девчат выросли образования, илкие строители коммунизма.

Но... За два примерно года в Головом сменилось шесть начальников. Сейчас опять новый начальник — тов. Векшин, с которым мы поговорить не удалось — он все в разъездах. Не видела и главного инженера. Впрочем, нет, однажды произошел такой случай: заканчивалось ежедневное коронное совещание — планерка; вдруг распахнулась дверь, вошел неверной походкой высокий человек. Качаясь, он прошел через комнату и сел за стол. Меня удивило, что ему сразу же не предложили выйти. Но по тяжелому молчанию присутствовавших я поняла, что вошедший — не случайный посетитель, а сегодняшним случаем — не исключение. Да, это был главинк. Он что-то промечтал, на кого-то грозно прикрикнул, и так же качаясь, ушел...

Планерка пошла своим чередом. Среди инженерно-технических работников много молодых, пришедших на строительство прямо со студенческих скамьи. Для них были бы так важны твердая направляющая рука старшего товарища, посвященная помощь в работе, деловые советы, быстрые решения ежедневных вставших вопросов. Да и просто личный пример — разве мало значит он для молодежи!

Почему нет заботы о людях? Почему тут у руководства на все всегда один ответ: «Знаю, куда ехали, но в курорт, а на стройку...» Противный ответ, бездушный. Ведь мы же строим всю жизнь. И будем строить всегда. Люди, работающие на стройках, так и коючат с одной на другую с семьей и детьми. Это наши советские люди, работающие на переломе края, люди, своими руками создающие наше коммунистическое завтра. Так почему же они, пользующиеся благами самой высокой технической культуры, лишены подчас элементарной культуры быта?

Есть трудности неустрашимые. На них и не жалуются настоящие труженики. Их не пугают ни морозы, ни пыльные бури, ни дожди, ни жара. Но есть трудности устранимые, происходящие только от безразличного отношения. Вот с такими трудностями надо бороться и уничтожать их быстро, оперативно, немедленно.

«Горные ступи бунует пыльная буря, песок прохлещет через двойные пальмы, сквозит закрытую дверь. Он скрипит не только на зубах, но и под пером на бумаге. Мутно неба. В серой мгле исчезло солнце. Но все так же урчат по берегам канала бульдозеры и экскаваторы набирают полную пазы песку. Люди строят.

Галина ГАНЕИЗЕР

Забытое богатство

П. НИКИТИЧ, А. ТОКОМБАЕВ, К. ЮДАХИН

Многонациональный советский народ — наследник всех материальных и духовных ценностей, созданных прошлыми поколениями народов нашей страны.

Богато и многообразно наше культурное наследие. Особое место в нем занимают памятники народного поэтического творчества, в которых нашли отражение многовековая жизнь народа, его опыт, его мечты, его эстетические идеалы, его художественные достижения. Таковы русские былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, таковы героические сказания о славном армянском богатыре Давиде Сасунском, таковы эпические песни о киргизском богатыре Манасе, узбекском Горгуты, азербайджанском Кер-оглу, таджикском Гургули и о многих других героях эпоса разных народов. Таковы многочисленные сказки, в которых воплотилась мудрость народа и неисчерпаемая народная фантазия, таковы пословицы и поговорки, прекрасные образные, трупповые, лирические песни. Таковы, наконец, творения сказителей, акынов, шаров, ашуров, баши, которые воспевали мужество, трудовую доблесть, чуждость своих соплеменников, гневно обличали несправедливость, рисовали картины народной жизни. Лучшие, талантливейшие поэты, например, Абай и Дамбул у казахов, Махтумкули и Кемине у туркменов, Бобо Юнус у таджиков, Сулейман Стальский и Гамазт Паласа у дагестанцев, сожвали непреодолимые художественные ценности, пополняя сокровищницу мировой культуры.

По истинному и художественному содержанию все это наследство не однородно. Кроме названных нами, были и другие сказания, другие акыны и ашуги. В каждой национальной культуре, как учил великий Ленин, развивались и противоборствовали две культуры. Это относится и к народному поэтическому творчеству. Многие произведения, передаваясь из уст в уста, проходили через десятилетия и века и бывали не только в среде трудового народа, но и в правящей верхушке. Естественно, что господствовавшие классы стремились использовать в своих интересах и памятники устного поэтического творчества и деятельность современных им поэтов. На многообразнейшем эпосе народов СССР лежит печать различных эпох с их исто-

рическими особенностями и противоречиями. Не могло не сказаться на нем и влияние реакционных идеологий, враждебных коренным интересам народа. Для тюркских народов это было влияние байско-манасской, феодально-ханской идеологии, а позднее — влияние активно проповедовавших идей панисламизма и пантюркизма.

Вот почему нужно тщательно и строго критически оценивать то, что сохранилось и дошло до нас, отсеивая все действительно вредное, антинародное, но бережно сохраняя все художественно ценное, полезное, характеризующее ту или иную эпоху в жизни народа. Надо сказать, что в нашем литературоведении еще очень мало научно обоснованных трудов и статей, помогающих правильно осмысливать литературное наследие и отделять в нем передовое, демократическое от реакционного, чуждого. Особенно остро ощущается нехватка таких научных исследований при изучении литературы народов СССР.

Во многих республиках в течение длительного времени приветалась идеализация произведений прошлого и замачивание их отрицательных сторон. Это иной раз помогало сохранению, а то и оживлению буржуазно-националистических и даже панисламистских настроений. С другой стороны, было немало случаев проявления нигилизма, случаев вульгарно-социологического произвола, когда поэтические произведения прошлого подвергались оглушительному осуждению, безосновательно объявлялись антинародными, реакционными, буржуазно-националистическими и т. д.

Непонимая требований подлинной науки, основанной на положениях марксизма-ленинизма, доморощенные нигилисты в Киргизии, Казахстане, Узбекистане, Туркмении и в некоторых других республиках оказывали драгоценное культурное наследие своих народов, выдвигая вальные, невежественные обвинения. Вместо оценки наследия с высот современной науки вульгаризаторы часто измеряли произведения прошлого мерами и требованиями, применимыми только к произведениям современного советского искусства, к произведениям социалистического реализма. Не-

ведь не учитывали или просто не знали, что поэтическое творчество прошлого обусловливалось конкретно-исторической обстановкой, что безвестным творцам эпических сказаний и, более того, народным певцам-поэтам сравнительно недавнего времени (XIX и начала XX века) были свойственны ограниченные представления об общественной жизни, общественном идеале.

Старинные русские сказки часто рассказывают о «добром царе», «славном управителе», о том, как крестьянский сын становится царем, а простая девушка царницей. Былины изображают, как тот или иной русский богатырь «во честном бою» поражал и уничтожал «чужие басурманские». Многие русские поэты — не скажишь, а писатели, известные всему миру, — выражали естественные для их времени, но неправильные, по нашему нынешнему пониманию, суждения об общественных явлениях и часто отдавали дань религиозным догмам. Никто, однако, не изымал из обращения и не клеймил страшными ярлыками ни этих сказок, ни былин, ни поэм и стихотворений.

В некоторых республиках, особенно среднеазиатских, было, к сожалению, иное положение. Право же, будь Лермонтов киргизским акыном и скажи он в своих стихах «пустыня внемлет богу», нашлись бы в свое время люди, которые объявили бы его поэтом реакционным, а то и панисламистом, как не раз осуждали акынов и шаров только за то, что они по правам и законам своего общества и своего времени начинали поэмы строкой: «Во славу аллаха великого!». Попаля бы тому же Лермонтову за «злого чечена», а Пушкину за слова «ныне дикой тунгуз, и друг степей калмык», как попадали народным акынам Казахстана или Киргизии за малейшее непочтительное упоминание русских. Это особенно примечательно, ибо вульгаризаторы не желали помнить, что народы, например, Средней Азии испытали не только влияние передовой русской культуры, но прежде всего колониальное угнетение их русским империализмом.

Нехватка хорошо подготовленных научных сил, скованность этих сил всякими местными условиями в результате культуры личности, робость и чрезмерная органианность творческих научных дискуссий приводили в некоторых республиках к крайне печальным последствиям. Нигилисты-вульгаризаторы не получали должного отпора и осуждали эпос за эпосом, акына за акыном, безосновательно объявляя их антинародными, реакционными, буржуазно-националистическими, идеями

буржуазно-националистическими, идеями порочными. Так был вдруг назван антинародным чудесный узбекский эпос «Алламыш», безоговорочно отвергнуты азербайджанский эпос «Китаб Деда-Коркут», туркменский «Коркуд-Ата», бурят-монгольский эпос «Гэсер» и т. д. Еще совсем недавно некоторые ретивые псевдоученые в Узбекистане пытались полностью зачеркнуть наследие прекрасного каракалпакского шары Бердах. Дезориентированные работники республиканских научно-исследовательских институтов литературы пребывали в недоумении и почти не двигали вперед изучение литературного наследия.

Неправомерно охаживать произведения народного творчества если и упоминались, то с ругательными, «ярлыковыми» эпитетами, а в итоге выпадали из живой культурной сокровищницы и забывались.

В самое последнее время положение резко изменилось к лучшему. За сравнительно короткий срок Академия наук СССР совместно с научными учреждениями братских республик и областей провела ряд очень интересных и плодотворных научных конференций и совещаний, на которых определены пути дальнейшего марксистско-ленинского изучения народного поэтического творчества. Можно назвать и конкретные результаты этих усилий. Возстановлен, например, в законных правах бурят-монгольский эпос «Гэсер», теперь уже прочно вошли в казахскую литературу акыны Шортабай, в каракалпакскую — шары Бердах, еще недавно считавшиеся реакционными.

Сделано немало, но предстоит сделать много больше. В оценке некоторых произведений и всего творчества разных народов поэтов, да и в характеристике письменного поэтического наследия, есть еще вопросы или вовсе нерешенные, или решенные неправильно и, значит, требующие пересмотра. Мы попытаемся показать это на примере положения, создавшегося в Киргизии.

Киргизский народный акын Токтогул Сатылганов пользуется всеобщим уважением. В республике о нем говорят всюду и всегда, как только речь зайдет о киргизской культуре. И, однако, творчество этого талантливого акына-лемократа, выражавшего коренные интересы народа, до сих пор серьезно не изучено. Токтогул, будучи неграмотным, не запясывал своих произведений. Почти все его наследие, собранное в фондах Института языка и литературы Киргизской Академии наук, записано через передачу других людей, а это значит, что в последующем исполнении оно неизбежно изменялось. Текстологическое изучение произведений

Токтогула, тщательное сличение собранных и частично изданных вариантов его песен и поэм — задача неотложная.

Не лучше обстоит в Киргизии дело и с произведениями акынов-писменников — Тоголола Молдо, Ысак Шайбекова, Токтарлы Толканбаева, Абылкасыма Джугакаева и других. Например, Тоголола Молдо записывал свои произведения сам, немало произведений было записано и непосредственно с его слов. Казалось бы, что это уже подлинные документы. Но первое, второе и третье издания его поэмы «Наставление» заметно отличаются друг от друга. Кто вносил эти изменения, кто устанавливал новые редакции, насколько все это оправдано, — пока неизвестно. То же самое можно сказать и про записи поэмы акына Ысак Шайбекова «О милый народ», которая в трех изданиях напечатана в разных редакциях.

Крайне необходимо разобраться в литературном наследии крупнейшего киргизского акына Молдо Кылыча Шамыраранова. Под давлением нигилистов-вульгаризаторов, воинствующих якобы, вероятно, не во словому, а по незнанию, этот акын был объявлен реакционным.

Между тем, если судить хотя бы по произведениям Молдо Кылыча, хранящимся в фондах Киргизской Академии наук и частично напечатанным в разное время, можно, не колеблясь, говорить не только о большом поэтическом таланте Молдо Кылыча, но и о том, что он наиболее полно из всех акынов отразил жизнь киргизского общества второй половины XIX и начала XX века. Есть все основания утверждать, что он был в Киргизии своеобразным «голосом своего времени», показал положительные и отрицательные черты своей эпохи, ее противоречия. Такие его высокохудожественные произведения, как «Поэма о Чу», «Пир беркута», «Пернатые», «Буудайкы», издавались после Октябрьской революции и были широко известны в изустной передаче и в списках. Народ их знает, любит, поет и сейчас, не считаясь с приписанным к Молдо Кылычу ярлыком «реакционный».

До 1949 года Молдо Кылыч признавался акыном прогрессивного направления, но потом был отвергнут, хотя за это время ничего нового в исследовании его творчества не появилось. В чем же дело? Почему сейчас произведения Молдо Кылыча замачиваются, объявляя киргизскую культуру? Мы убеждены, что многие произведения Молдо Кылыча заслуживают не только научной, объективной оценки, но и того, чтобы они стали доступны широкому кругу читателей, как лучшие образцы до-революционной киргизской поэзии. Назван-

ные выше произведения акына не только художественно ценны, но имеют и большое познавательное значение. Они объективно отображают жизнь дореволюционного киргизского аула и реалистически показывают тяжелое положение киргизского народа, раздавленного двойным гнетом — местных феодалов и царских колонизаторов.

«Поэма о Чу» в истории киргизской письменной литературы — одно из первых, если не самое первое произведение, в котором в поэтической форме изображены и обобщены огромные хозяйственные сдвиги, происшедшие в крае после его присоединения к России.

Молдо Кылыч проявляет большой интерес к изменениям в жизни его народа и восхваляется той новью, которая пришла к народу с приобретением его к земледелию. Социальный смысл «Поэмы о Чу» заключается прежде всего в том, что объективно она призвала народ пробраться к новой культуре.

Из-за ограниченности своего мировоззрения Молдо Кылыч не понимал, конечно, исторического значения происшедших изменений, не мог из всего виденного сделать правильные политические выводы. Но нельзя забывать, что в то время далеко не всегда приходили к верным выводам и наиболее передовые акыны, писатели, просветители Средней Азии. Можно вспомнить, например, казахов Махамбета Утемышева и даже Абая Кунанбаева, узбеков Мухаммада и Фурата, таджика Ахмада Дониш. В силу особенностей исторического и экономического развития Киргизии, обусловивших крайнюю отсталость киргизского народа до революционной эпохи, Молдо Кылыч был менее культурен, обладал меньшими знаниями, чем названные писатели и общественные деятели Средней Азии. В отличие от них он был всего-навсего аульным грамотеем, не мог повседневно соприкасаться с русской культурой и испытывать на себе ее безраздельное влияние. Молдо Кылыч был неразрывно связан с жизнью киргизского аула, его мировоззрение было ограничено родо-племенными и феодально-религиозными представлениями, он оставался верующим, возлагал надежды на бога. Для него — правозверного мусульманина — все, что исповедовал другую религию, были «неверными». Вот почему он восхваляется хозяйством и культурой русских крестьян и с сожалением восклицает:

Благотворно их житье.
Вот только их инверьер!

Тесно связанным с народом, талантливым акыном-реалистом Молдо Кылыч смог верно почувствовать и увидеть в жизни то,

Советская литература — летопись народа. В нее идут ее славу подерживают и умножают люди разных профессий, разных возрастов, разных профессий. Они — калли, во эти калли выливаются в океан народного творчества, плывут «в революцию дальше», и потому так важно не утерять ни одной из них, какой бы короткой и скромной ни была ее жизнь.

Имя Василия Кубанева известно очень немногим. Это и неудивительно. Он умер на 21-м году жизни, не успев сделать и малой доли того, о чем думал, о чем мечтал и на что был способен. Внешние факты его жизни укладываются в несколько строчек. Родился в 1921 году. Работал в острожской районной газете «Новая жизнь», а в 1940 году был учителем в селе Губаревке. В 1941 году вернулся в Острожск. Снова работа в газете. Затем — уход добровольцем на фронт, тяжелая болезнь и смерть в марте 1942 года. Вот и все.

Стихи Василия Кубанева

Строфы, так своеобразно, в связи с Лениным, раскрывающие самое интимное в человеке, естественно переходят во вторую часть, дающую действительно телесно-зримое изображение облика Ленина:

Я вижу
рожденные бессонные руки,
Берущие голову
в ласковый плен,
Усталость в глазах,
И не новые бровки,
Немного растянутые
у колен.
Рыдание дождя
в полусонном рассвете,
Калоши,
чернеющие в уголке,
Чернильные брызги
На свежей газете
И круг от лампы на потолке.

Любовная внимательность к «мелочам» в облике Ильича, умение сказать о них просто и в той мере, которая в данном случае необходима, помогают приблизиться к нашим глазам, к нашему сердцу и обаянию Ленина — вождя, облик Ленина — народный трибуна. Такой он в третьей части. С подлинным поэтическим чутьем Кубанев рисует здесь встречу Ленина с рабочими в Питере в апреле 1917 года. Встреча эта на самом Ильича и на всех, кто присутствовал при ней, произвела неотъемлемое, незабываемое впечатление. Не ставя своей задачей изображать его целиком, Кубанев берет из нее только отдельные черты, тонко уловив в них прекрасную возможность рельефно парировать Ленина — вождя революции. Сначала дается широкая экспозиция: «Лютый прибой», «колыхающие знамена и вышеров», «ожидательная тишина и дабей»:

И он,
и радующийся
и негодуя,
Выходит
на серый апрельский песок.
Я вижу походку его молодую
И улаженный потом висок.
Я вижу фуражку
в правом кармане
И руку,
протянутую в века,
И пятна факелов
в мокром тумане.
И дрожь
полушуга бровенника.

Лучшими стихами сборника являются стихи последних двух лет жизни молодого поэта. Почти все они связаны с начальными событиями второй мировой войны. В те годы советские люди с огромной болью переживали трагедию Франции, изменчески брошенной ее правителями под гусеницы фашистских танков. Той же болью жил и безвестный юноша в маленьком городке Острожске. Два гнева и горечи родили в его сердце огромную любовь к французскому народу, его искусство, литературу. Кубанев самостоятельно изучает французский язык, читает в полдюжины великих писателей Франции, даже сам пытается писать стихи на языке Юго и Бальзака.

Стихотворения «Барбюс живет» и особенно «Молящиеся французам» ярко выразили те чувства, которые Кубанев пытался выразить.

Хочется обратить внимание еще на одну сторону поэзии Кубанева. В наших стихах о боевом гражданском строке она очень уместна. Каждую тему, даже самую откровенно публицистическую, он решает глубоко, многосторонне. Вот его отклик на газетное сообщение о переименовании фашистами в Париже улицы Барбюса.

В марте 1939 года Кубанев пишет стихотворение «Партия». В центре стихотворения — мысль о единстве судьбы народа и партии, единстве, обретенном в борьбе с врагами:

Она — не отдельно,
она — народ.
Она — это мы
в своей лучшей части.
Пусть же нынче
ей,
на жизнь нам право давшей,
В сердце родины
собравшейся на съезд,
Наша победа
и жизни наши
Будут
докладами с мест.

Это написано семнадцать лет назад, но так и кажется, что слова Кубанева прозвучали в дни работы XX съезда, когда миллионы людей почувствовали во всей силе: партия — не отдельно, она — народ. Она — это мы в своей лучшей части».

«Нашей совестью, нашим чувством» называет Кубанев великого основателя партии. Он говорит о том, как образ Ленина «оживается в память, телесной зримости не утеряя». Меткие слова не остаются декларацией, они выражают существо образа. Тема первой части стихотворения — Ленин и мы. «Мы» не в значении «народ», «страна», а мы — наша жизнь, наши раздумья, а мы — это чужое человеческое в нас, ставшее иным, новым, потому что в мир пришел Ленин и стал нашей совестью, нашим чувством, таким же живым, как восторг или боль.

Они срывают его имя с одной из улиц города, которому великий француз отдал лучшие силы. Тема — острая, политическая, и она, естественно, толкает молодого поэта на призывные интонации, сильные, горячие слова, смысл которых выражены самым назидательным стихотворением — «Барбюс живет». Но поэт на этом не остановился. Кратко, но сильно он передал тревожное состояние города, в котором погасли огонь и выжались к жизни силы мрака — ложь, подкуп, предательство.

Умение развить тему пластично, варьировать образы действительно конфликтно, не отделив от умения компоновать материал, находить необходимую форму плана, выступает во всех наиболее законченных вещах Василия Кубанева.

Те же черты растущего мастерства, большого раздумья над жизнью, выраженного конкретно, сильно, — в стихотворениях «Матерям», «Расставание студентов», «Письмо». Особенно дороги поэту, говоря словами Маяковского, «советские знамя, советское солнце». Но Кубанев о них говорит по-своему — с конкретностью, подсаженной ему событиями 1940 года, когда в Советский Союз вошли новые братские республики.

Над крышами пылает красный флаг. На праздниках знакомые знамена. И солнце есть на всех гербах республик... Прекрасны эти слова о солнце на республиканских гербах. Они — констатация факта и в то же время большой поэтический образ светлой жизни наших народов. Но сказанное — только одна грань стихотворения. Поэт видит и трудности жизни. Он вовсе не судит друзей одних безоблачных деньков:

Вы слышите: грохочет поезда
По дальним магистралям,
Вы слышите: и разлуку
Выявляют глухо тормоза...
Со зрелостью, редкостью в юности. Кубанев говорит:
Я знаю, как несносно тяжела
Дорога к человеческой душе,
Я знаю, как паляща страсти сердца
И как бессильна смелость иногда.

Афористически звучит вывод поэта:
«То ж, что не все еще дороги прямы!
Будь сам прямым и напрямик иди,
И непременно на дороге выйдешь.
И спутники найдутся».

Именно так и промчал по жизни своего десятка мальчишеских лет Василий Кубанев. Уезжая на село учителем, он сказал редактору: «Только я поеду в село не корреспондентом, а постоянным жителем, чтобы видеть и испытать все». Так он пошел и на фронт.

До ухода на фронт Кубанев написал несколько стихотворений. Среди них — полное веры в победу «Мы не одни», в котором поэт, обращаясь к «легionarам рабочих рингов», стоявших под сапогом гитлеровцев, писал:

Ходите прямо, дышите легко,
Все,
спящие сгибанием нозей!
Это — от Берлина до Москвы
А от Москвы до Берлина — близко!

Такие стихи, написанные в первые дни, когда над нами была сброшена война с хищных крыльев германских «Хейнкелей», — лучшая аттестация и человеческих и поэтических качеств Кубанева.

Капля в народном море, капля чистая, ясная, — Кубанев отразил в своих лучших стихах большие чувства и большую муку великой страны, ее людей. И они его не забывают. Стихи Кубанева стояли бы передатчик «Молодой гвардии», а наиболее законченные из них достойны включения в сборник советской поэзии. Как ни мало он написал, без него, как и без родного ему по своему духу Сергея Чермаева, не было бы та боевая линия поэзии, которая возмужает именем Маяковского.

А. АБРАМОВ

Ахмет Рыза — герой пьесы Назыма Хикмета «Чудак» — не ищет обходных путей в труде, не лгуны и не с врагом, поступает, как велит убеждения, даже если это грозит опасностью. Знакомые склонны кто посмеяться над его жизненной позицией, а кто — и пользоваться ею. Во всяком случае, в их глазах он — чудак.

Ахмет страстно любит жену, а она страстно любит комфорт и наряды и предпочла бы, чтобы в характере мужа было меньше принципиальности и больше практической изворотливости. Жена уходит от «чудака». Приятель, интересы которого Ахмет отстаивает даже тогда, когда это угрожает разрывом с женой, оказывается мелким прохвостом... И тогда «чудак», изверившись в людях, ожесточившись, избирает путь расчленимого дельца. Теперь ему доступно все, чего он был лишён раньше. У него достаточно денег даже для того, чтобы купить возвращенную жену. Но богатство Ахмета — притягательное счастье — кутить нельзя. Он, говоря словами поэта, — лишь «обогатый нищий».

Мы пересказали пьесу кратко. О ней писал в статье «Камень на дороге» в конце прошлого года режиссер В. Комиссаржевский, которому предстояло поставить «Чудака». Не скроем, статью эту мы прочитали с опаской. В последнее время интересных статей режиссеров было немало куда больше, чем интересных спектаклей. И как бы тонко ни разобрали В. Комиссаржевский «Чудака», впереди оставалось немаловажное доказательство глубины проникновения в пьесу-спектакль!

Итак, о спектакле. Как часто пьеса, изображающая далекие времена или современные нам, но чуждый уклад жизни, оставляет зрителя равнодушным, потому что постановка бесстрастно информирует о чем-то, что имеет лишь познавательный интерес, а упуская боком — никаких выводов касаться.

Московский театр сатиры поставил комедию в стихах З. Герда и М. Львовского «Поцелуй фею».

Причина успеха этого спектакля не только в том, что «Поцелуй фею» — хорошая игровая пьеса, написанная живо и остроумно, местами стихом сатирически метким до афористичности. И не только в том, что спектакль интересен по форме (действие прерывается интересными ироничными комментариями режиссера, невидимым действующим лицам, «просраиваются» зрители в стране учреждения и в увлекательности выдумки авторов пьесы и режиссера спектакля Э. Краснянского тут дело. Кстати скажем, творческий почерк этого спектакля сложился на постановках Маяковского «Клоп», «Баня» режиссера, иногда даже излишне отчетливо, отзываясь в стиле «Поцелуй фею».

Успех нового спектакля Театра сатиры решается прежде всего образ директора фабрики и трущоб Синицына в отличном исполнении артиста А. Панапова. Это один из лучших сатирических образов в современном репертуаре. Синицын резко выделяется и на фоне остальных героев спектакля. Если «студента Кипа, она же фея» (арт. Н. Архипова), еще друг Сергей (арт. Б. Рунге), равно как и многие другие персонажи — только более или менее удачные герои всеполюсной, то Синицын — образ сатирический, вобранный в себя характерные черты явления, к бездне жизни, это оградительный, примитивный человек, трущобная тупица, но обремененная полномочиями. От коньячных потрошков Синицына старновья серыми ироничными попугаи (цвет мыши) — «сплошной цвет». Иной такой Синицын и из подлинного готов попуга сделать, только не сказал бы тот невзначай чего-нибудь дельного. Ведь тогда будет особенно видно его, синицынский, ничемность.

Смех в этом спектакле — это смех умного превосходства. Он способен высечь

Сцена из пьесы Назыма Хикмета «Чудак». Слева направо: Ахмет Рыза — В. Якут, Реджеб-бей — Л. Галлис, Михаль — Ф. О. Липина

розами и очень важно, упитанного дядю. И это особенно комично, как как напыщенное ничтожество даме в момент экзекюции смежно сохраняет привычку важности. Зал дружно хохочет при каждом появлении на сцене Синицына — Панапова, то и дело раздается аплодисменты. И в зам-зам деле, ведь наша театры не часто облекают сегодняшних великов, бюрократов и чинов. Сатира все еще редко появляется на подмостках сцены. Гораздо чаще мы встречаем нравоучительные притчи или легкие разоблачения по-опереточному глупых злодеев. В «Поцелуй фею» раскрыт «ларчик» тупого бюрократизма и его оборотной стороны — лаяеяства. Подведен общий их знаменатель — мешанство С Синицыных сорваны маски — ортодоксальность, игра в простоватость и колесную «душевность» (в простом человеческом языке шифера с переносом здесь поцелуй феи? — спросит читатель. Сатира в современном репертуаре нашего театра есть только учить ходить. И фея водит ее за руку в пьесе Герда и Львовского. Фея мирит влюбленных, выступает за незаслуженно уволенного с фабрики Зину (арт. В. Жуковский), воюет с обывателем и склочником в коммунальной квартире Полуцетовым (его остро играет Г. Доре). Но такие подвиги феи, конечно, явно не в рост ее главному подвигу — равноблагости Синицына. Ведь наличие в сюжете пьесы безобидных, но досадных мелочей общезнания придает действительный характер бытового упрямства, а сатиру — уровень того самого «разоблачительного» произведения Прудикова, о котором красноречиво сказано в пьесе: «неподладки в пропалатке».

И тем не менее веселый и остроумный спектакль берет за живое. Ужестя с него, думаешь, что жидкая метла критики в конце концов вычистит тараканов-мешач из крупных и мелких щелей жизни, не дожидаясь, пока сказочная фея удостоит избранного «воронка» своим магическим поцелуем.

Владимир ОГНЕВ

ком внешне переделавшись этих переходов. Сдержанность в горе может быть сильнее слез отчаяния, свидетельствует та короткая сцена (2-й акт), когда Ахмет, от которого только что ушла жена, сидит один в сразу опустевшей квартире и ест суп. Несоответствие того, что он делает, с тем, что переживает, остро драматично. Оно — в его позе, в автоматизме его движений, в неподвижности глаз.

Великолепно играет Л. Галлис богатого коммерсанта Реджеб-бей, с его самоуверенным эгоизмом, благодушной жестокостью, наивным изумлением при встрече с человеком, который осмелевает поспешить вопреки его статусу в исполнении Никиты Мухоморова слышатся интонации, знакомые по другим работам этого актера, то Реджеб-бей Галлиса не похож ни на одну из прежних ролей артиста. Этот поиск нового, который соответствует всему строю спектакля, привел к тому, что исполнение Галлиса, на наш взгляд, — самая большая актерская удача спектакля.

Через пьесу и спектакль проходит гротескная тема «изобретателя» Абдурахмана, разоблаченного на шарлатанском приборе для мажорки, как символ извращения того мира, где способности человека убиты ради денег. Роль Абдурахмана с блестящим исполняет Г. Вацин. И сожаление, поиск нового не отмечена работа О. Николаевой в роли жены Ахмета — Михаль. Несколько лет назад О. Николаева чрезвычайно интересно сыграла роль Юлии Филипповны в «Дачниках» Горького. Однако то, что в «Дачниках» было находкой, в «Чудак» оказалось лишь бледным повторением.

Но самое главное: спектакль и своим содержанием и органичной формой воплощения будит мысль, рождает активное отношение к себе зрителя и потому волнует. Это успех. Заслуженный успех людей, которые не побоялись поисков нового.

Сергей ЛЬВОВ

чего не смогли увидеть другие киргизские актеры. Вот почему многие актеры и в частности, например, Тоголок Молдо, Ысак Шайбеков и в немалой мере народный актин Киргизской ССР Алымкул Усенбаев считали себя учениками Молдо Кылыча, выходя оценивая его произведение.

Никогда киргизы не забудут Иноходца, вышедшего из (среды) людей.

— так выразил народный актин Алымкул Усенбаев отношение народа к Молдо Кылычу.

Еще ярче сказал Тоголок Молдо:

Молдо Кылыч — мураец,
Он рець заводит издалека.
Когда соревнуют акыны,
Побеждает он один.
Ни в чем у него нет недостатков,
Средя акынов нет ему равного.
В словах его
Нет (ни одного) мелодного...
Не менее высоко ставит мастерство Кылыча и актин Ысак Шайбеков:

Акын Кылыч — большая река,
Около него я — только копытель колодезь.

К этому нельзя не прибавить, что нет, пожалуй, ни одного современного киргизского поэта старшего поколения, который в свое время не давал бы творчеству Молдо Кылыча высокой оценки. Впрочем, незаурядные художественные достоинства произведений Молдо Кылыча настолько очевидны, что их нельзя не признавать.

Чрезвычайно интересны и значительны «Пернатые» и «Пир беркута». В них — злое обличение и резкая критика господствующих классов, сердечное сочувствие киргизской бедноте. Молдо Кылыч жестоко бичует провоз и лихоимство киргизской родовой знати, высмеивает и порицает лживую, постыдную, правящую жизнь богатых и, наряду с этим, раскрывает ужасающе бесправное состояние народа.

Сатирические произведения Молдо Кылыча построены на подлинных фактах и событиях, взятых из жизни киргизского общества второй половины XIX века, и потому образы, созданные акыном, приобрели общезначимое, типическое значение. Не случайно, конечно, эти произведения Кылыча столь популярны в народе. Их герои стали нарицательными, а отдельные отрывки — поговорками. Вот пример такой поговорки, широко известной в Киргизии:

Дрянной черной коршуны
ненавидел сокола.
Кто сам ничего не может,
— поспустает так же.

В своем обличении уродливых отрицательных сторон действительности Молдо

Кылыч, пусть стихийно и бессознательно, но поднимался до уровня социальных обобщений. Это было новым явлением в общественной жизни Киргизии и отражало те прогрессивные идеи, которые пробуждали и развивались в киргизском народе после присоединения его к России. Правда, как уже говорилось, Молдо Кылыч не стоял и не мог стоять на позициях последовательной и сознательной борьбы с угнетателями за интересы народа. Более того, в таких произведениях, как «Эпоха скорби» («Зар замана») или «Землетрясение» («Зилзала»), Молдо Кылыч уповает на волю аллаха и милосердие феодально-родовой знати.

Оба эти произведения до сих пор принято считать архаическими. Но правильно ли это? Произведения такого типа, как «Зар замана» Молдо Кылыча, есть и в других литературах, например казахской и татарской. И все они полностью осуждены, исключены из наследия. Не пора ли вновь исследовать «заманы» и вернуть литературе все, что окажется ценным и полезным?

В «Зар замана» Молдо Кылыча изображается тяжелая жизнь народа. Причины акын видит в упадке веры в бога, порче нравов, несправедливости правителей и богачей, алчности и лицемерии духовенства, в упадке «добрых» старых обычаев и т. п. Конечно же, в поэме нет и намека на порочность современного поэту общественно-го строя. Но сама критика явз, разводящих обшество, у Молдо Кылыча дана с исключительной силой. Вот как он говорит о муллах:

Развратные муллы
Подобны базарным проституткам.
Они поганятся обо все,
Подобно совку для зольм.

Есть в «Зар замана» много стихов, отражающих любовь, честность, дружбу, храбрость, трудолюбие, порицающих лень, лживость, стяжательство, трусость и т. д., много мест, показывающих выгоду земледельца, садоводства, пчеловодства. Есть и призывы к покорности и смиренности:

Не ропщи на бога,
Если ты немущий.
За тот удел, который он дал тебе,
Пусть каждый довольствуется тем, кемнигим

Скотом, который он имеет...
Раз ты (на большее) не способен,
Благодари (бога) за то, что имеешь.

Огульное охаивание «Зар замана», как это продолжается до сих пор, основано на тенденциозном выхватывании отдельных

кусков, вроде только что приведенного, и замалчивания всего хорошего. Мы полагаем, что из «Зар замана» многое может быть включено даже в школьные хрестоматии.

То же самое можно сказать и о «Зилзале». В этой поэме дано высокохудожественное реалистическое изображение стихийного бедствия — землетрясения 1911 года, которое Молдо Кылыч объясняет, конечно, божьим наказанием за грехи людей. «Зилзала» — это первая дореволюционная печатная книга на киргизском языке. И она даже не упоминается сейчас в курсах истории языка, истории письменности, истории литературы. А ведь первая печатная книга в истории культуры народов — факт немаловажный!

Непоследовательность и противоречия в творчестве Молдо Кылыча обусловлены историческими особенностями жизни киргизского народа в прошлом. Вычеркивать Молдо Кылыча из истории киргизской литературы несправедливо. Если мы обратимся к истории других литератур, в частности русской, то увидим и в них немало примеров противоречий и заблуждений, свойственных даже лучшим писателям (Н. Гоголь, Ф. Достоевский и др.). Ошибки в творчестве допускались и нашими современниками. Не исключали их киргизские советские поэты Д. Вокомбаев, К. Маликов, Т. Уметалев, да и один из авторов этих строк — А. Токомбаев. Однако никто не вычеркивает их имена из литературы.

О противоречиях в творчестве Молдо Кылыча, как и других акынов разных народов, нужно говорить, их нужно объяснить, раскрыть их корни, но за этими противоречиями не следует скрывать прогрессивное и художественно ценное.

В Киргизии неразумная деятельность нескольких кривляющих заучастей, пользовавшихся, к сожалению, чрезмерной снисходительностью местных организаций, привела к тому, что имена некоторых акынов можно было с трибуны или в печати упомянуть лишь в сопроводении проклятия. Это ставило перед критиками и литературоведами непреодолимые препятствия. Это болезненно обидяло киргизскую культуру, ибо революционная литература киргизов очень невелика.

Нечто подобное, как нам известно, происходило и в других республиках. Пора, наконец, широко развернуть исследование и критическую оценку всего дореволюционного культурного наследия среднеазиатских, да и некоторых других советских республик. Пора вернуть народу незаслуженно забытое богатство.

Синицын и фея

«От Полтавы до Гангута»

Спектакли 15 театров страны

Таких, как ты, Россия не забудет.

Читая «Коммунистов» Арагона

Катерина Сусанна ПРИЧАРД, австралийская писательница

Я только что окончила читать пять частей «Коммунистов» Луи Арагона, и я целиком захожусь под впечатлением от того полотна, которое Арагон чудесно выткал картинами жизни во Франции с февраля — сентября 1939 года до июня 1940 года.

Влияние войны на различные слои общества, грубые политические и военные ошибки, бездушные интриги с целью достижения личных выгод, замешательство и растерянность народа, храбрость и стойкость коммунистов во многих трудных и опасных положениях — все это вместе создает повествованию исключительно важный фон.

Любовь совершенно здорового молодого человека к очаровательной Сесиль кажется менее важной, чем то влияние, которое эпоха оказывает на их жизнь. Но мы понимаем, что именно поэтому Арагон выбрал их для своего романа. Их историю можно сравнить с нитью, на которую нанизаны жемчужины многих маленьких эпизодов.

Здесь есть история о том, как в Сесиль пробуждается интерес к ее служанке Евгении как к человеческой личности; история брата Евгении, слепого и страшно искалеченного солдата, единственной радостью которого в его безнадёжной любви к Сесиль является сознание того, что коммунистические идеалы, которые он передал ей, будут жить в ней, как часть его самого.

Восхищает меня в произведении Арагона широта его видения, проникновение во внутренний мир героев, его знание событий, его реализм, который никогда не становится доктринерским, но показывает влияние коммунизма на жизнь, мысли, слова и дела его народа и с тонкой иронией разоблачает тупое безразличие буржуазии, махинации политиканов и грубую заносчивость военщины.

Просто невероятно, как можно было в такое короткое время написать такой шедевр, представив с уничтожающей силой политические и военные махинации того периода и их гибельные последствия и в то же время изобразив с волнующей остротой борьбу и страдания в отдаленных селениях и на окраинах больших городов. В то же время на протяжении всего романа автор показывает верность и высокие цели коммунистов, истинных патриотов, преданных своей партии, которая отстаивает интересы трудового народа и Франции.

Арагон часто пишет народным языком. Для иностранцев это составляет известную трудность. Наши словари не дают значения многих слов, употребленных в свободном, непринужденном и меняющемся живом языке, — жаргонных слов и идиом, созданных народом.

Я встречалась с этой трудностью также в «Огне» Анри Барбюса. Я читала «Рим» Золя за несколько дней до «Коммунистов» и была поражена тем, насколько различно пользуются эти французские писатели родным языком. Для меня французский язык Золя был прост и ясен, тогда как язык Арагона иногда был труден для понимания из-за своей верности живой речи. Я не упрямка. Арагона за это. Я не сомневаюсь в том, что для его народа его произведения приобретают особую яркость благодаря связи с живым языком. У переводчиков и иностранцев это может вызвать головную боль, — я знаю, что так дело обстоит и с тем, что я сама пишу, так как я тоже пользуюсь живым языком своего народа, — но я уверена, что живой язык с его жаргонами и идиоматическими оборотами, созданными самим народом, дает лучшее представление о его образе жизни и мышлении, чем любая приукрашенная под классические образцы проза.

Роман «Коммунисты» был для меня недостаточно длинным. Я хотела еще и еще читать о движении Сопротивления и о торжестве сил, разбивших нацизм, принесших дни радости Парижу и разоренным селениям Северной Франции. Вероятно, имеются другие тома произведения, которые я не читала, но, к сожалению, мои парижские друзья не послали мне их. Как отметил Говард Фаст в своей статье «Круглый стол», прогрессивные писатели большей частью игнорируют в Австралии, как и в Америке. Несколько лет назад Сартра читали и обсуждали в наших литературных кругах. Теперь его имя редко упоминается.

Когда я несколько недель назад попросила у одного нашего ведущего писателя что-нибудь из переведенных произведений выдающегося испанского писателя Халлора Лангесса, он признался, что никогда не слышал об этом писателе. Это является показателем культурной отсталости Австралии.

Я бесконечно обязана Советскому Союзу, который познакомил меня не только с замечательными произведениями советских писателей, но и с произведениями писателей многих других стран.

Благодаря советским журналам и газетам я прочитала стихи и рассказы китайских, японских, немецких, индийских и южноамериканских писателей, которых никогда нельзя было бы увидеть в английском издании. Поэтому я глубоко признательна советским людям, которые с такой щедростью делают свою культуру и культуру других народов доступными для всего мира.

ГРИНМАНТ

См. «Литературную газету» от 15 декабря 1955 г.

Отточенная ирония

Тойн де ФРИЗ, голландский писатель

Я очень благодарен редакции «Литературной газеты» за то, что она предоставила мне возможность принять участие в писательской беседе за «Круглым столом». Мне кажется, что это весьма полезное средство общения между литераторами Востока и Запада.

Книга, которую я считаю самым сильным произведением последних лет, принадлежит перу писателя, отнюдь не являющегося социалистом. Речь идет о немецком писателе Томасе Манне, выдающемся художнике-гуманисте, умершем в прошлом году, и его неоконченном романе «Исповедь авантюриста Феликса Крулля». Из всех книг, вышедших за последние годы, именно этот роман захватил меня с огромной силой. Читая его, я думаю о том, что ни один из нас, представителей социалистического реализма, не смог за последние годы создать произведение, которое было бы написано в социалистическом духе и в то же время отличалось бы блистательными достоинствами, присущими роману Томаса Манна, — такой мастерской подачей материала, такой точностью и выразительностью художественных средств, которые по плечу лишь писателю со смелым и проницательным умом: таким глубоким знанием жизни, такой сдержанной любовью к человечеству и человеку; ко всему этому — такой тонкой и беспощадной иронией, с которой он высмеивает нелепости и преступления буржуазного общества... Да, да: в заключение этой характеристики я должен добавить, что отточенная ирония, которой проникнут последний роман Томаса Манна, несомненно, направлена своим острым против капиталистического общества.

Мы, приверженцы социалистического реализма, прошли иную школу. Мы выросли в открытой борьбе с капиталистическим обществом, мы привыкли обнажать его звериную сущность, клеймить его преступления и ничем, противопоставлять ему другой мир, сотворенный самим человеком, — мир более разумный и счастливый. Мы верим в человека нового склада, мы хотим помочь его становлению или, возвещая о его борьбе за свободу, восторженно развивать человеческой личности, хотя бы в общих чертах показать дальнейший путь человечества и те надежды, которые мы возлагаем на будущее.

Следует нашему боевому методу, мы пишем иной раз слишком острыми и жесткими пером, пользуемся широкими, размахиваемыми мазками и создаем тяжеловесные полотна, стремясь склонить сердца наших современников к правде и могучей красоте будущего, которую человек творит в борьбе за социализм. Как художники, мы переживаем период роста. Мы знаем, что когда-нибудь явится новое поколение писателей-социалистов, которые будут на много голов выше нас и по мастерству и по широте кругозора, — то будут достойные представители более высокой ступени общественного развития.

Но вместе с тем мы знаем, что некоторые из буржуазных писателей в своей собственной или особой манере высказывают правду, пусть не всю, пусть только часть ее; что они отображают некоторые черты действительности, про-

РАЗ мне предоставлена возможность высказаться, то я бы хотел, чтобы мое выступление за «Круглым столом» было откровенным.

Первая книга Эрискина Колдуэла вошла в мою жизнь случайно, когда я мучился бессонницей. Другие его книги я уже радовался сам. До этого я открыл Стейнбека. Это было не так давно. Из авторов, которые произвели на меня в тот же период наибольшее впечатление, надо было бы упомянуть на первом месте Шарля-Луи Филиппа, Доля, а также манеру письма Жироу. Мы больше не живем во времена открытий, мы живем во времена находок. У меня часто создается впечатление, что я столкнулся со старым знакомым. Но мне сильно понравились американские писатели, когда я читал их в их книгах. Может быть, произошло это потому, что они все, как дети, находятся во власти настоящего, во власти существующего в данную минуту, вдали от книг, не уступаая и не ведая предубеждений и утрат, которые терзают наш Старый свет. Вот почему общение с ними может принести пользу и нам, ибо мы отягощены грузом нашего слишком богатого прошлого.

У Колдуэла я мог бы особенно отметить «Ключок земли доброго бога» («Свалку в июле»), «Трагическую землю». «Пути господни». Я особенно люблю манеру Колдуэла, его метод подхода к жизни, его грустный юморизм. То, что я люблю его книги, не означает еще, что я их одобряю или люблю их безоговорочно. Если вы хотите знать автора, который произвел на меня наиболее сильное впечатление, то я наверняка должен буду указать на Колдуэла.

Для меня теперь главным является не «почему», а «как». В мире молодых писателей многие находятся в таком же положении. Мы ищем будущее, ищем мир. Мы более или менее знаем, где он, но не знаем, как его обрести. Мы более или менее знаем, что такое будущее, но не знаем, как его обрести. Мы более или менее знаем, что такое будущее, но не знаем, как его обрести. Мы более или менее знаем, что такое будущее, но не знаем, как его обрести.

Во Франции молодые писатели — и здесь я говорю о них, не принимая во внимание этикетки, — писатели, число которых все более увеличивается, понимают, что песимизм, насилие и ужас были роковой модой. Они стремятся возвратиться к естественному и прийти к нему через экономичное средство. Они не отклоняются от оригинального, но они хотят найти его в том, что обычно, в том, что естественно. И здесь мы идем рука об руку.

Я думаю, что действительно надо пристально изучать. Возьмите осу или муху. На них даже не обращают внимания. Но покажите увеличенный снимок насекомого на экране: какая странная красота у этих глаз, похожих на солнечные зеркала!

Новая фантастика — это обыденное под увеличительным стеклом. Исходя из этого, все стилистические опыты, все исследования позволительны.

Я верю в достоинство действительности, потому что я верю в человека. И однако, я родился для мира, в котором истина состоит из одного куска, а потрагил годы, чтобы открыть эту сложность, и до сих пор я не вижу еще терпимости. Люди я считал либо очень добрыми, либо очень злыми. Ноансы заставляли меня сомневаться в существовании. Смешение выводит меня из себя, сила приводит меня в отчаяние. Мне нужны были истины из одного куска, вырезанные из чистого металла... Много прошло времени, прежде чем я стал понимать людей такими, какие они есть. Да, добрые люди все же чуть-чуть злы, а злые — не лишены углов, где живет доброта. Надо только понаблюдать.

Но не вздумайте подвергнуть сомнению мой оптимизм. Я уверен в будущем, и я даже умею смеяться над своими муками. Я узнал от моих предков, живших задолго до Вийона, этот знаменитый «смех сквозь слезы» — милую старинную традицию Франции. Я рад, что вместе с простотой эта традиция стала средством искусства, причем не только во Франции. Чарльз Чаплин говорит: «Я создал мою систему комического, основываясь на великих человеческих трагедиях. Вы помните «Золотую лихорадку»? Отравной точкой фильма был действительный факт: искатели золота, съев свои припасы, кончили тем, что стали варить и поедать обувь, потом дошли до того, что начали пожирать друг друга. Из этой драмы я сделал смешной фильм... Я верю в сродство смеха и слез...». Этот гениальный гениальный комический талант и смеется над самим собой.

Итак, писатель, возьми свои инструменты — бедные, потерянные слова, которые дала тебе твоя мать. Этими бедными словами слишком долго пользовались твои старшие братья, и их надо обновить. Когда ты пишешь слово «богатство», то увидишь за ним миллионы золотых монет? Надо вернуться к простым словам, к бедным, забытым и презираемым родственникам; надо расположить их таким образом, в такой хорошей компании, чтобы они стали новыми друзьями, радостью дома.

Необходимо также иметь в виду ритм сегодняшней жизни. Людям бесконечно трудно быстро охватить все содержание отвлеченных слов. Я думаю, что лучше показать гнев литературного персонажа, чем просто написать, что он сердится. Писать надо конкретно.

Есть два сорта плохих писателей. Первые — обладают писательским талантом, но пользуются им плохо. Они пишут о неинтересных или нездоровых вещах. Вторые, выбрав нужную тему и волнующую проблему, трактуют их таким образом, что отталкивают от них самых благосклонных читателей. Первые — имеют порою представление о мире, но выражают его с таким искусством! Вторые — хорошо и правильно понимают мир, но пользуются от этого мало: они опровергают изречение об аде, который, как говорят, выпросят благи намерениями. Очевидно, существует и третий, довольно распространенный сорт писателей, писателей никуда не годных, которые объединяют отрицательные черты как первых, так и вторых.

Для первых — проблемы содержания и сознания не ставятся в плане политическом. Я хочу говорить о вторых.

Являют глубокое понимание некоторых особенностей того общества, в котором живут. К их числу принадлежат и Томас Манн. Слишком большой он мастер, слишком сильный художник, чтобы примириться с мерзостями буржуазного общества, безвольно склонить голову перед его бесмысленным хаосом или же скандал себе убежища от чудовищного кошмара буржуазной действительности в мире пустых и бесплодных фантазий. Честность, чистота демократических устремлений писателя заставляют его показывать всю простоту и пустоту жизни буржуа. Но дальше этого Томас Манн не идет: он не заглядывает в будущее, и это отличает его от приверженцев социалистического реализма, которые на основе глубокого изучения законов общественной жизни пришли к твердому убеждению, что это будущее наступит и принесет с собой новый, более совершенный тип взаимоотношений между людьми. Такой писатель, как Томас Манн, взвзывает на свою эпоху, отравленную ложью и тупостью, с грустной усмешкой мудреного жизнью мыслителя, сознающего все несовершенство окружающего мира; иногда он высказывает об этом мире очень глубокое суждение, но не в духе гневного и беспощадного обличения и непримиримой вражды, а с мягким, печальным юмором, острожно подбирая слова и довольствуясь тонкими остроумными намеками.

Есть знаменитое изречение Маркса о том, что великие периоды и личности фигурируют на исторической сцене дважды: сперва в трагедийном обличии, но конец — в шутковом, в виде фарса. Это глубокая мысль, и творчество Манна служит ее подтверждением. Балзан, первый великий писатель буржуазной эпохи, отобразил глубоко трагическую картину укрепления капитализма. Томас Манн показывает в своих романах и повестях одряхление капитализма и прибегает при этом к тончайшему психологическому анализу, который с первого взгляда может

показаться проявлением болезненного декаданса, зараженного буржуазное общество. Однако, приглядевшись внимательнее, мы начинаем понимать, что Томас Манн не видит для себя возможности избрать иные художественные средства для изображения заката капиталистического общества. Критикуя порядки этого общества, он ограничивается лишь синхронизацией иронией, мягкой шуткой. Сознание его ограниченности, он находит в себе моральную силу смотреть на него с лукавой иронической улыбкой, под которой прячет свою боль.

История юнца из уважаемой немецкой буржуазной семьи, эlegantного жулика и космополита Феликса Крулля, который с помощью красивой леди, ловких ухаживателей, звериной жестокости, прикрытой вкрадчивыми, мягкими манерами, беззастенчивой лести и мошенничества вытирается в «высшее общество» и выбирает там себе друзей и жертвы, — эту историю нельзя считать просто романом о моральном падении одного человека, так же как было бы нелепо считать другой роман Томаса Манна «Доктор Фаустус» апологией декадентской музыки.

В обоих романах автор анализирует отдельные формы буржуазной цивилизации, которая безнадежно зашла в тупик. Для того, чтобы показать, что он разочарован в этой цивилизации, Томас Манн не прибегает к едкой сатире, как это сделал бы на его месте сторонник социалистического реализма, если бы, конечно, среди нас были сейчас великие сатирики. Нельзя отрицать, что у Томаса Манна нет отчетливого, убедительного представления о лучшем, более разумном будущем, о будущем социалистического общества. Писатели, избравшие своим методом социалистический реализм, имеют по сравнению с ним то преимущество, что они являются носителями конкретной гуманистической философии, которая видит благородный «облик грядущего» (как выразился Уэлс), и облик этот оказывает могущественное воздействие на писа-

ТЕЛЕ. На весь строй их мысли, на их творчество, на выбор тем и изобразительных средств. Они, эти писатели, не могут, да и не станут писать в манере, свойственной Томасу Манну, ибо неизлечимые язвы капитализма вызывают у них отвращение и ненависть, а эти чувства не выразить грустной, усталой улыбкой, которая блуждает на устах старого разочарованного мудреца, проникнутого всепоглощающей жалостью...

Однако в силу того весьма любопытного обстоятельство, что в нашем мире новое и старое существует бок о бок (особенно это чувствуется в капиталистических странах), такая книга, как «Исповедь авантюриста Феликса Крулля», повествующая о проделках ловкого мошенника, со всей убедительностью и в деталях изображает картину умирания старого мира. Томас Манн обнажает самую суть загнивающего капитализма: бесконечную лживость буржуазного общества, легковесные, с которым оно позволяет дурочить себя всякому проходному и даже готово восхититься им, если он предстает в изысканном обличье богатого великосветского дельца...

При капитализме нет места докнижничеству. Одно из двух: либо человек становится законченным подлецом, отказывается от всякой порядочности, подавляет в себе все благородные порывы, либо его расплачивают. По сути дела, Феликс Крулля — преступник. Но сила искусства, да к тому же искусства великого мастера, проявляется в том, что оно особенно убедительно работает гнусную сущность своего героя, наделяя его обычными человеческими свойствами, — Феликс Крулля даже в своих плутнях сохраняет некоторую человечность, а в то же время автор говорит нам, что сам он, создатель этого образа, отлично разбирается и во всех проделках Феликса Крулля и во всех мерзких ухищрениях буржуазии.

Именно поэтому, что в легких мыслях и беспечных с виду шутках, которые автор вкладывает в уста своего странного героя, чувствуется эта сложная и глубокая жизненная правда, книга Томаса Манна и доставляет читателю такое огромное наслаждение — наслаждение моральное и эстетическое, какое испытываешь от всякой правды в искусстве.

Вот почему я с сожалением отмечаю, что за последние время социалистический мир не дал ни одного произведения искусства, которое подвело бы на меня с тем же эффектом, как эта ироническая усмешка великого немецкого писателя Томаса Манна — его прощальный дар читателям всего мира.

Но из этого вывода следует и другой вывод. Перед представителями социалистического реализма стоит великая задача. Являясь свидетелями становления нового человечества, мы должны упорным трудом совершенствовать свое писательское мастерство, чтобы запечатлеть в наших книгах образ нового человека и наши мысли о нем по крайней мере с такой же силой, с какой Томас Манн описал в своей трагикомедии гнусный, старый, обреченный мир.

АМСТЕРДАМ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефон: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.
Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Сделать человека лучше

Жан-Пьер ШАВРОЛЬ, французский писатель

Общение с некоторыми из этих писателей, людьми доброй воли, заставляет меня думать, что значительная часть их неудач или, по крайней мере, их посредственность вызвана тем, что они идут в творчестве по непродуктивному пути. Их похвальное желание быть полезными заставляет их забывать о тяжелой ответственности тех, кто является наследниками и продолжателями самой богатой в мире культуры. Они идут тому, ищут проблему, которая требует немедленного разрешения, ищут «бойницу», где должен находиться их пост. Их занимает вопрос, каким образом можно быстрее прийти к цели. Они в плену у обстоятельств. Они постоянно осуществляют надзор и цензуру над тем, что они пишут, причем не только в стадии написания, но даже в стадии мысли. Это порочный путь.

Писатель должен быть прежде всего полноценным человеком. Под этим я понимаю следующее: он должен иметь ясное представление о мире, должен знать его, должен здраво о нем судить, изучать его тайные пружины, проникать в его тайны. Все это — элементы содержания. Умение же обращаться со словом, обогащение словаря, изучение собраных по перу и посещению кино — элементы формы. Писатель должен учиться и обогащать свое знание. А затем пусть он, бога ради, пишет то, что ему хочется писать! Говоря так, я отнюдь не имею желания назвать оригинальным. Только те, кого некоторые писатели пренебрежительно называют «наоборот», могут заподозрить меня в этом желании. Писать то, о чем жалеешь писать? Но ведь это так просто! Если писатель — знающий и полноценный человек, то он будет верно реагировать на то, что его окружает. Его реакция, как и его вдохновение не смогут быть другими. Я не утверждаю, что по окончании книги ему не придется ее перечитать, призвав свою совесть, как он перечитывает книгу, призывая на помощь словарь и отшлифовывая форму и грамматику. С точки зрения здравого смысла и логики вполне нормальный и достаточно одаренный человек, стремящийся к правильному пониманию мира, не может иметь желания писать мерзости. Плохо, если писатель пишет по вдохновению, ибо важно не вдохновение, а человек. Мало толку в том, что изменить тему и держаться определенной политической линии. Прежде всего надо сделать лучше человека. Если тема злободневна или волнует в данное время народные чувства, а писатель связан в движениях и не верит в себя, то его произведение будет натянутым и сухим. В нашем ремесле нет рецептов, нет готовых схем. Написать роман — не кроссворд решить: у кроссворда заранее заготовлено решение.

Главное, не пытаться сделать так же хорошо, как такой-то или такой-то. Если вы не можете сделать лучше, то вернитесь к сельскому хозяйству, но даже и здесь я не уверен, что от вас не потребуют урожая получше, чем урожай прошлого года. Если бы я должен был избрать себе девиз, я взял бы эти три слова: **дать чего-то больше.** И не только в литературе.

Чего-то больше по сравнению с тем, что было сделано до вас; чего-то больше того, что от вас ждуть; чего-то больше того, что вы сами от себя ждете; чего-то больше того, что вы способны сделать. Только тогда, когда вы перестали самого себя, вы становитесь интересным.

Волюда (В. Маяковский. — Прим. перев.) еще в 1921 году проревел об этом:
Пока канителим, спорим,
Смысл сокровенный шша:
«Дайте нам новые формы!» —
Несется вошь по вешам.

В средние века люди передвигались на телегах, которые тащили быки или лошади, а теперь у нас есть реактивные самолеты.

В средние века был Франсуа С. С тех пор ничего не было выдуманного нового ни в отношении поэтического содержания, ни в отношении форм выражения. Если сравнить с Вийоном лучших поэтов XX века, то это сравнение не заставит вас воскликнуть: «Шуки прогресс!». Мог же в наши дни один писатель-научник сказать, что «есть только один поэт, который мог быть гениальным, не читая Франсуа Вийона. — это сам Франсуа Вийон».

Из всего прочитанного и в самом деле создается впечатление, что человеческие мысли и чувства поднимали только сохой, и что никогда в эти мысли и чувства не углублялись при помощи трактора. Пора, наконец, избобрать трактор для мысли!

Во время моего последнего путешествия по Болгарии прошлым летом я записал:
«Беззащитный романтизм приходит или придет к концу. Новый романтизм, романтизм в советском духе, — это воспевание плотины, машины, трактора, студента и завода; воспевание труда, будущего политического воспитания, планирования. Переход от одного романтизма к другому идет зачастую по старым путям: агроном с болтающимся на боку, как кобура револьвера, планшетом; носится верхом по вспаханному колхозным просторам; тракторная бригада, на рассвете пьющая кофе во временном укрытии перед тем, как атаковать поля, это — би-вуак, это — утро перед наступлением после ночной подготовки к сражению, после штабных споров на командном пункте колхоза. Здесь тоже «битва», но эта битва за продукцию или за конкретную идею. Говорят о «победе», но эта победа на пшеничном или сталепродуктом «фронте». Это новое правило таранов отбойного молотка, ковбоя, вернувшегося к своему этимологическому источнику, — ставших сторожами коров на колхозном «ранчо». Этот романтизм отвечает новым требованиям, новым чувствам. Романтизм смерти заменен романтизмом жизни, кладбище — поликлиника, Гамлет — Мишуринным».

Я с горькой осаозной, что в 1956 году мне тридцать лет и что я имею возможность издаться.

Если меня обвинят в самомнении за то, что я, имея за собой так немного прожитых лет и написав так мало, выставляю подобным образом мою этику и философию, то я отвечаю, что оставляю за собой право изменить их. Если меня обвинят в том, что я не следовал этим принципам в том немногом, что я создал, то я возражу, что мне предстоит еще прожить целую жизнь.

Если меня сочтут наивным, если будут насмехаться надо мной: «ты, мол, совсем один в своем углу изобретаешь велосипед», — то я тотчас воскликну: с этого простого велосипеда дайте мне посмотреть на дороги Франции, я жажду знания и движений.

ПАРИЖ

Молодой писатель Жан-Пьер Шавроль, стат, которого мы писали сегодня, не дняк получив во Франции «Премии полности». Она присуждается за лучшую книгу, посвященную жизни народа. Этой премией удостоен роман Шавроля «Лу-Галль», о котором «Литературная газета» писала 5 апреля 1956 года.

После получения премии в беседе с корреспондентом «Летр франсез» Шавроль поделился своим литературным взглядом. Иллюстрируя их живыми примерами, он рассказал, что недавно с ним познакомился на улице парижский полевой извозчик, замечательный, как сочувственно смеющийся, писатель на его уставую лошадь... «Пусть, одно слово, но оно означало, что мы поняли друг друга. И я был очень бесконечно рад. Вот и в книге, в романе должен быть такой взгляд, и когда читатель встретит его, он остановится, чтобы приветствовать тебя. Как друг...».

Беспокойное чувство

Клара АКУСТИА, индонезийский поэт

Я безусловно согласен с вами, что расширение культурных связей между всеми странами является одним из важнейших факторов укрепления мира во всем мире, а также что это очень эффективный путь для взаимного обогащения культур разных народов.

Я высоко оцениваю тот факт, что «Литературная газета» предоставляет своим странцам писателям для обмена мнениями и взглядами по вопросам, которые волнуют их как писателей и как людей, вопросам развития мировой литературы в современную, чрезвычайно важную эпоху.

Именно потому, что я не могу не согласиться целиком и полностью с выраженной вами идеей, я полон стремления и желания работать для ее осуществления. Чтобы литература не только смогла выполнять подающуюся ей роль в жизни человеческого общества на всей земле, но и чтобы она смогла сделать еще больше, чтобы она смогла, как говорится в вашем письме, стать одним из важнейших факторов в установлении мира во всем мире.

Именно в этой связи я хочу ответить на ваш вопрос о задачах поэтов в наше время.

Мне кажется, нужно отметить, что у поэта всегда имеется беспокойное чувство — стремление посредством своих произведений, своих стихов, своего творчества найти для себя то, что я называю «удовлетворением». Именно в настоящее время это беспокойство, эти стремления, по крайней мере для меня, овладели всей душой. И это несмотря на то, что я, конечно, понимаю и сознаю, что для человека творческого труда такое удовлетворение надолго невозможно.

Поэт вечно стремится к тому, чтобы совершенствовать свои поэмы и стихотворения. Поэт неизменно волнуется тема и ее воплощение. Поэт думает не только о художественном совершенстве своих стихотворений, но и о той силе, которая должна исходить от них, проникая в поэтический творения в человеческую жизнь. Для него относительная удовлетворенность достигается осуществлением единства красоты и силы. Что касается меня, то мне было бы горько, если бы мои стихи ценились лишь за красоту и художественность и не было бы в них силы, вызывающей изменения в лучшую сторону в душах людей, в жизни людей.

Таким образом, я придерживаюсь мнения, что в нашу эпоху поэт, наряду со своим постоянным долгом совершенствовать свои произведения, имеет и другие обязанности — активно участвовать в жизни народа, в разрешении тех проблем, которые люди считают важными для своего счастья, для движения вперед, для прогресса. Такой проблемой является мир во всем мире. Другие вопросы, какими бы важными они ни считались, должны, я думаю, отступить на задний план перед лицом проблемы мира во всем мире.

Если бы дружба и единство народов всего мира уже были осуществлены, стали фактом, были приняты всеми и стали единственным направлением мирового прогресса, то, если бы обстоятельства потребовали, я был бы готов «убить» себя как поэта. Конечно, это лишь несерьезная фраза, потому что полноценный человек, который является действительно человеком, должен следовать призыванию своей души, зову своего таланта. И я сказал так лишь для того, чтобы выразить, насколько дороги для меня мир, дружба и единство людей.

Привет из страны коносовой пальмы и жасмина.
ДЖАКАРТА

телей, на весь строй их мысли, на их творчество, на выбор тем и изобразительных средств. Они, эти писатели, не могут, да и не станут писать в манере, свойственной Томасу Манну, ибо неизлечимые язвы капитализма вызывают у них отвращение и ненависть, а эти чувства не выразить грустной, усталой улыбкой, которая блуждает на устах старого разочарованного мудреца, проникнутого всепоглощающей жалостью...

Однако в силу того весьма любопытного обстоятельство, что в нашем мире новое и старое существует бок о бок (особенно это чувствуется в капиталистических странах), такая книга, как «Исповедь авантюриста Феликса Крулля», повествующая о проделках ловкого мошенника, со всей убедительностью и в деталях изображает картину умирания старого мира. Томас Манн обнажает самую суть загнивающего капитализма: бесконечную лживость буржуазного общества, легковесные, с которым оно позволяет дурочить себя всякому проходному и даже готово восхититься им, если он предстает в изысканном обличье богатого великосветского дельца...

При капитализме нет места докнижничеству. Одно из двух: либо человек становится законченным подлецом, отказывается от всякой порядочности, подавляет в себе все благородные порывы, либо его расплачивают. По сути дела, Феликс Крулля — преступник. Но сила искусства, да к тому же искусства великого мастера, проявляется в том, что оно особенно убедительно работает гнусную сущность своего героя, наделяя его обычными человеческими свойствами, — Феликс Крулля даже в своих плутнях сохраняет некоторую человечность, а в то же время автор говорит нам, что сам он, создатель этого образа, отлично разбирается и во всех проделках Феликса Крулля и во всех мерзких ухищрениях буржуазии.

Именно поэтому, что в легких мыслях и беспечных с виду шутках, которые автор вкладывает в уста своего странного героя, чувствуется эта сложная и глубокая жизненная правда, книга Томаса Манна и доставляет читателю такое огромное наслаждение — наслаждение моральное и эстетическое, какое испытываешь от всякой правды в искусстве.

Вот почему я с сожалением отмечаю, что за последние время социалистический мир не дал ни одного произведения искусства, которое подвело бы на меня с тем же эффектом, как эта ироническая усмешка великого немецкого писателя Томаса Манна — его прощальный дар читателям всего мира.

АМСТЕРДАМ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).